

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ТРИ
ПОВЕСТИ
О ЧУДЕСАХ

ЧИСТАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Три повести о чудесах

Генри Олди

Снулль вампира Реджинальда

«Автор»

2007

Олди Г. Л.

Снулль вампира Реджинальда / Г. Л. Олди — «Автор»,
2007 — (Три повести о чудесах)

Возможны ли чудеса в мире, насквозь пронизанном волшебством? В мире, где живут дипломированные чародеи, где магию зовут Высокой Наукой и применяют повсеместно? Не спешите делать выводы – и колдун может столкнуться с чудом, выходящим за пределы его могущества. Ментальный паразит-захребетник цепляется к юному мастеру клинка. Снулль, похожий на спрута разносчик снов, терзает по ночам спящего в гробу вампира. Внук сорентийской кликуши и Слепого Циклопа рождается безумцем, обладателем губительного третьего глаза. Но Олди не были бы верны себе, если бы за этим пиршеством фантазии не стояли вечные человеческие проблемы. Сколько стоит миг милосердия? Почему нынче честь и отвага? Какой мерой измерим победу над самим собой?

© Олди Г. Л., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Повесть вторая,	5
CAPUT I,	5
CAPUT II,	13
CAPUT III,	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Повесть вторая, или Снулль вампира Реджинальда

*Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет...*

Вильям Шекспир, «Гамлет»

*Многие завидуют мне. Находят в старом Нихоне тысячу достоинств, заслуживающих жаркого, трепетного чувства зависти. Они видят цель, но не путь, предмет, но не плату. А когда я говорю им, что чистый родник и сбитые ноги – неразделимы, они удивляются. Честно говоря, я тоже завидую – этому святому, этому младенческому удивлению. Жадные, трусливые, склочные дети – все равно дети.
Из записей Нихона Седовласца*

САРУТ I, где рыдают женщины и хмурятся мужчины, слышатся проклятья в адрес XIII Вальпургиалий, атакуют скелеты, хандрят мудрецы и летят королевские депеши, но трое героев уже готовы отправиться в путь, ибо долг зовет

- Ты куда без меня не поедешь!
- Дорогая, давай без истерик. Ты понимала, что это значит: выйти замуж за венатора?
- Ничего я не желаю понимать! Или мы едем вместе, или ты остаешься дома!
- Хочешь воды? Со льдом?
- И я вылью ее тебе на голову! Ну почему, почему выбрали именно тебя?
- Потому что я – знаменитый охотник на демонов.
- Ты – мерзавец! Ты хочешь бросить жену на произвол судьбы!
- Ты преувеличиваешь, радость моя.
- Ни капельки!
- Хорошо. Я – мерзавец-венатор. Опытный. С чудесной репутацией. С заслугами перед

обществом. И, как следствие, вполне достойный выбора городского совета Брокенгарца и курфюрста Леопольда лично. Удивительно другое: почему меня выбрали лишь сейчас, на обслуживание XIII Вальпургиалий... Как полагаешь, мне следует обидеться?

Фортунат Цвях прошел к столу. Взяв пустой бокал из-под вина, оставшийся с вечера, он налил туда воды и выпил залпом, не предлагая жене. Выплеснет в лицо, ведьма, и глазом не моргнет. Разговор утомил венатора. В халате и ночном колпаке, небритый, плохо выспавшийся, он чувствовал себя не готовым к семейным сценам. Другое дело, будь мы в камзоле, при шпаге...

И в парике с локонами до плеч.

И с тростью в руке.

Так можно спорить с женой даже в присутствии любовницы.

– Мы три дня назад вернулись с курорта! – привела любимая супруга аргумент, неоспоримый на ее взгляд, но загадочный для целой толпы мудрецов. – Отдохнули, развеялись... Я надеялась, ты найдешь время позаниматься со мной перед защитой!

Приложив холодный бокал ко лбу, охотник на демонов вспомнил курортный Баданден. Там чете Цвяхов довелось участвовать в рискованной охоте на Лысого Геня. А после, о чем любимой супруге знать не полагалось, венатор имел сомнительное удовольствие оперировать молодого аристократа. Удалять менталопухоль неизвестного характера и происхождения – врагу не пожелаешь.

Отдохнули, значит. Развеялись.

Интересное у тебя, любовь моя, представление об отдыхе.

– Значит, так, – подвел он итог твердым, как ему казалось, голосом. – Завтра на рассвете я уезжаю в Брокенгарц. Пренебречь долгом венатора и личным приглашением курфюрста Леопольда я не могу. Ты остаешься дома и готовишься к защите магистерского диссертата. Через двенадцать дней...

– О-о!

– ...максимум через две недели я вернусь. У нас будет полтора месяца для занятий. Все, спор окончен.

Фортунат питал мало надежд, что властный тон подействует на жену. Рыжая Мэлис, в девичестве – ятричанская ведьма, была не из тех, кого можно утихомирить волевым нажимом. Скорее наоборот. Но странное дело! – супруга всхлипнула и повернулась к зеркалу, раздумав продолжать скандал.

– Это очень опасно? – спросила она после длительного (минуты полторы, не меньше!) молчания. – Я имею в виду, Вальпургиалии?

– Не стану врать, дорогая. Между такими людьми, как мы, нет места для лжи, – суровая складка залегла меж бровями охотника на демонов. – На два дня и три ночи город делается добычей...

– Чем-чем?

– Я хотел сказать, что Брокенгарц становится открыт для вампиров и оборотней, инкубосов и суккубар, ламий и игисов. Для их обрядов и оргий. Для черных балов, где уродцы-шпильманы играют на отрубленных головах лошадей смычками, сделанными из кошачьего хвоста. Вальпургианцы едят крысятину без соли, пьют отвар мухоморов из коровьих копыт-долбленок и творят различные бесчинства. Как думаешь, это похоже на салон маркизы Пьемпаль?

Мэлис тихонько всхлипнула.

– Вряд ли, – согласилась она, припудрив носик. – В салоне маркизы едят перепелов и пьют из хрусталя. А шпильманы играют на скрипках работы Гоцци. Право слово, на месте курфюрста Леопольда я давно бы избавила Брокенгарц от этой беды. Неужели так трудно отвадить нечисть?

– Невозможно. Традиция, гори она синим пламенем! Еще курфюрст Бонифаций Удалой, пращур Леопольда, подписал договор с отшельником Вальпургом, инкубусом-расстригой. С тех пор ни один лорд Брокенгарца не рискнул отказать в проведении очередных Вальпургиалий. К счастью, они проводятся не каждый год. Погоди, погоди...

Он выпрямился, грозный и возмущенный. Не зная Мэлис своего мужа, решила бы, что Фортунат Цвях решил принять выпестованный Облик – так он преследовал инферналов на смутных ярусах владений Нижней Мамы.

– А если тебя спросят об этом на защите?

Следующие полчаса были посвящены осуждению чародеек-недоучек, которые скверно знают «Курс новейшей истории шабашей», глава 16, «Весенний канун».

– И все равно я не понимаю, – сказала бывшая ведьма, в ближайшей перспективе – магистр Высокой Науки с дипломом, когда выговор закончился. – Канун весенний, а сейчас – вторая половина лета...

Венатор отставил в сторону кувшин с водой. И взял второй кувшин, поменьше: с красным «La Morte». Он обычно не пил с утра, но беседа стала его утомлять.

– Перенесли, – пожал он плечами. Пальцы нервно теребили пояс халата, завязывая и распуская хитрые узлы. – По согласованию с астрологической комиссией Коллегиума Волхования. Говорят, звезды невпопад сложились.

– Вот! Звезды!..

– Слушай, мне-то какая разница: весна, лето? Летом даже лучше. Дождей нет, дороги сухие...

– Дороги сухие! А я тут измаюсь, зная, что ты там – один!

– Почему один? Нас будет двенадцать: лучших из лучших. Чётная Дюжина – это тоже традиция. Перед началом Вальпургиалий курфюрст Брокенгарцский рассылает приглашения известным венаторам. Где просит – заметь, дорогая, курфюрст *просит!* – прибыть для обеспечения безопасности мирного населения. Естественно, мы прибываем и обеспечиваем.

– Мы? Ты же сказал, что едешь туда впервые!

«Возлюбленных все убивают», – вспомнил Фортунат строчку из баллады Адальберта Меморандума, народного ятрийского поэта. Дальше в балладе чеканным ямбом перечислялись различные способы убийства с вариациями.

– Я такого не говорил. Я числился в Чётной Дюжине VIII и IX Вальпургиалий! Плечом к плечу с Гарпагоном Угрюмцем, моим учителем, и великим Тильбертом Люстеркой! С братьями-близнецами Нильсом и Йоханом ван Хейзингами! Между прочим, я был единственным, кто отличал Нильса от Йохана. А потом обо мне забыли! И лишь сейчас, как я и сказал тебе вначале...

Еще полчаса ушли на самовосхваление. К нему явственно примешивалась обида на кучую память устроителей, забывших о Фортунате Цвяхе. Рыжая Мэлис сердцем чуяла, что милый супруг, сболтнув лишку, уводит разговор в сторону, но поймать на горячем не могла.

Да, честно говоря, и не хотела.

Рыжая ведьма знала, что это – быть женой венатора.

– Будь они прокляты, твои Вальпургиалии! Поезжай, и пусть тебя сожрет хомолопус!

В последних словах будущей магистрисы не чувствовалось огня. Ясное дело, муж поедет. И хомолопус его не сожрет, подавится. Вот дурачок: жена волнуется, переживает, а он попытается, надувается от гордости. Словно орденом наградили...

Ведьма глянула в зеркало – и ахнула. Вместо своего не слишком юного, но еще вполне привлекательного личика Мэлис обнаружила в зеркальной глади незнакомца: лысого старика со шрамом на щеке.

– Желаю здравствовать, – старик отвесил поклон, сверкнув лысиной. – Извините, что без приглашения. Фортунат дома?

За спиной незваного визитера клубилось и полыхало. Временами из пламенного мрака проступали стены подземелья: бугристые камни, низкий свод, в трещины вбиты крючья зловещего вида. Скелет на цепи дополнял картину. Дергаясь, как в припадке, он тянул обглоданные временем пальцы к старику – и щелкал зубами, раз за разом промахиваясь на какую-то жалкую пядь.

– Сгинь! – не оборачиваясь, велел старик. – Испепелю! Прошу прощения, мистрис, это я не вам...

Ведьма отодвинула кресло вбок, чтобы муж лучше видел зеркало.

– Дорогой! Тебя спрашивают.

– Кто? Откуда?

– По-моему, из ада. Сказать, что ты ушел к Матиасу Кручеку?

– Ни в коем случае! – Фортунат, щурясь, взгляделся в клубы дыма. – Гарпагон, дружище!

Для тебя я всегда дома!

Радости венатора не было предела. Он даже засунул руку в зеркало по локоть и обменялся со стариком крепким рукопожатием. Обратной ладонь Цвяха вынырнула вся в копоти. По комнате распространился удушливый запах гари.

– Знакомьтесь! Мэлис, это Гарпагон Угрюмец, мой учитель. Гарп, это Мэлис, моя жена. Прости, что вмешиваюсь, но скелет тебя достал. Мне сжечь его или ты сам?

Гарпагон трижды плюнул через плечо. Вспышка – и буйный костяк, секунду назад ухвативший-таки старца за шиворот, сгинул вместе с цепью. Послышались стенания. Они быстро перешли в несвязный лепет и затихли.

– Искренне рад знакомству. Мистрис, вы очаровательны. Этот маленький прохвост вас недостойн, – в Гарпагоне чувствовались порода и воспитание. Сейчас первое боролось со вторым. – Фарт, я на пару слов. По приезде в Брокенгарц мы с Люстеркой будем ждать тебя в «Чумазом Фрице». Захвати амулет от сглаза, который ты мне обещал. Если гребневые хрящи василиска засохли, положи в гнездо новые. Договорились?

– Не знаю, Гарп, – венатор нахмурился. – Возможно, я не приеду. Вам придется искать мне замену.

– Мальчик, ты незаменим!

– И все же...

Казалось, скелет, превратившись в невидимку, выбрался из зеркала в комнату и теперь держит за шиворот огорченного Фортуната.

– Ты болен?

– Я здоров, как тролль. Меня жена не пускает.

– Овал Небес! Мистрис, скажите: он шутит?

Старик изумился так, что мрак отшатнулся прочь. Подземелье осветилось замогильной синевой. Шрам на щеке Гарпагона начал пульсировать, брызжа искрами. «Бежим!» – закричал кто-то вдалеке. Послышался топот. Изображение в зеркале исказилось, взявшись кровавыми разводами.

– Он шутит, – торопливо подтвердила Мэлис. – Он у меня большой шутник. Эй, вы где?

– Я здесь, – старик вернул зеркалу прежнюю ясность. Стало видно, что потолок в дальнем углу дал трещину и грозит осыпаться. – Еще раз умоляю простить мою назойливость. С такими клиентами забываешь про хорошие манеры. Фарт, помни про амулет. «Чумазый Фриц», гребневые хрящи – свежие. Если что, я обижусь. Всего доброго.

Дождавшись исчезновения старого венатора, Мэлис с тщанием протерла зеркало ветошью.

– Хороший у тебя учитель, – бросила она мужу.

– Ага, – согласился Фортунат.

Вчера он лично попросил Гарпагона о «случайном» визите. И Угрюмец согласился. А мог ведь отказать – охотник на демонов прекрасно знал характер наставника. Но случаются моменты, когда мужчины должны поддерживать друг друга.

Если, конечно, они – настоящие мужчины.

* * *

Площадь, раскинувшаяся перед Реттийским Универмагом, поражала воображение своими размерами. Она была настолько маленькая, что гость столицы, придя сюда впервые в расчете на осмотр достопримечательности, в полный голос недоумевал:

– И это, братцы мои, площадь? Так, площадка, квадратный пятачок, кукиш с маслом. Здесь же двум каретам не разминуться без проблем...

Гость стоял, разинув рот, и не сразу замечал ряд странностей.

Например, второкурсников с факультета интенсивного экзорцизма. Нет, ясное дело, молодые изгнатели и сами по себе выглядели своеобразно. Но когда они шумной толпой двигались через площадь, от Универмага к скверу Девицы-с-Зеркалом, шаг за шагом становясь меньше, – тут уж хоть стой, хоть падай! Путь их удлинялся, вместо того чтобы сократиться, маленькие ножки мерили пространство, маленькие ручки жестикулировали, изображая зачетные пассы и мановения...

Вечный Странник – свидетель! Крохотули-лилипутики успевали в придачу выкурить по трубке, прежде чем исчезнуть окончательно в зарослях скверных кустов.

Те из гостей, кто решался повторить путь второкурсников, выясняли, что они-то меньше не становились. Это Универмаг за спиной делался больше. И дорога росла, как на дрожжах. Идешь, тащишься, а до сквера было рукой подать, стало – камнем докинуть, сделалось – из лука дострелить, а вот уже и не из всякой катапульты добросить...

– Треклятая площадь! – ругался опрометчивый гость. – Редкий дурак пройдет ее до середины, не заработав сердечного приступа!

И ошибался.

Площадь «кляли» не три, не девять, а четырнадцать раз лучшие профессора-геоманты, заслужив благодарность ректората. На защиты диссертатов, а точнее, на банкеты в связи с успешной защитой, сюда съезжалось десятка по три экипажей – и всем находилось свободное место для маневра.

В следующем году тут собирались воздвигнуть памятник Нихону Седовласцу.

В масштабе 14:1.

– Вот ведь что изумляет, – сказал Фортунат Цвях своему другу детства Матиасу Кручеку, сидя с ним в открытой ресторации «Гранит наук». – Рядом с центральным входом в Универмаг стоит щит-справочник. Рядом с тремя черными ходами тоже стоит по щиту. Еще один щит – вот он, красавец, у ресторации. И везде, красным по желтому, написаны правила пользования нашей чудесной площадью. Плюс три волшебных слова, которые надо произнести, если торопишься. Почему никто из приезжих никогда не читает эти правила?

– Они неграмотны, – предположил Кручек, мрачней тучи.

Сегодня приват-демонолог, виднейший теоретик Реттии, был не в настроении. Похожий на комод в сюртуке, он угрожающе нависал над столом. Складывалось впечатление, что дверцы комода вот-вот распахнутся – и на стол, на венатора, на пол ресторации хлынет масса барахла, опасного для здоровья собравшихся.

– Они ленивы и нелюбопытны. И вообще, на мой взгляд, к нам ездит слишком много народу. Надо дать совет Его Величеству оградить рубежи железным занавесом. Вот увидишь, Фарт, жизнь сразу наладится.

Матиас допил кружку темного «Козла», вторую за полчаса, и жестом отправил служителя за третьей. Фортунат, ограничившись одной полукружкой, без одобрения смотрел на друга.

– Ты много пьешь, Матти. Несчастливая любовь?

Сейчас уже можно было так шутить. Агнесса Кручек умерла родами около двадцати лет тому назад, и горе успело притупиться, а там и уйти в область грустных воспоминаний.

– Хандра, – кратко разъяснил Кручек.

– Причина?

– Несовершенство мира.

– Ага, так и запишем: без причины.

– Без причины и бесы не родятся. Фарт, я тупица. Я бездарь. Я полнейшее и окончательное ничтожество. Я не в состоянии даже полуэмпирически рассчитать диссоциацию корпускулы флогистона в синглетном состоянии. Я – позор державы, и не надо меня переубеждать.

– Хорошо, – согласился охотник на демонов. Он тоже в здравом уме не взялся бы делать расчет диссоциации флогистона. А капризы теоретика, всегда хандрившего в периоды умственного застоя, успел изучить до мелочей. – Договорились. Ты – ничтожество.

– Сам ты ничтожество, – вяло, а главное, вне всякой логики огрызнулся друг детства. – Хвала небесам, завтра на рассвете я уеду в Брокенгарц. Дорога исцелит меня. И я вернусь обновленным.

– Стоп! Матти, умоляю, еще разок с этого места! Ты едешь в Брокенгарц?

– Увы.

Нет, логика явно избегала Кручека.

– Зачем? Обслуживать Вальпургиалии?!

Страшное видение посетило Фортуната Цвяха. Советники курфюрста Леопольда допустили роковую ошибку. И вместо одного из двенадцати венаторов в Чётную Дюжину был приглашен тишайший и безобиднейший приват-демонолог, доцент Универмага, сфинкс кабинетов и грифон коллоквиумов. Надо срочно уведомить, разъяснить, восстановить статус-кво...

– Какие еще Вальпургиалии?

Служитель принес заказ. Кручек выразительно помахал кружкой, демонстрируя свое отношение к Вальпургиалиям, и припал к живительной влаге. Когда он оторвался от пива, его усы и борода были в пене, делая Кручека похожим на нерпеса, морского зверя-оракула.

– Я еду в Брокенгарц по приглашению местной Палаты мер и весов. У них на днях умер маг-эталон. Ну, этот, который чистая единица. В Брокенгарце свихнулись на эталонизации...

– От чего умер?

– От старости! И теперь надо вычислить новый эталон. Десять кандидатов уже отобраны, осталось произвести окончательную сверку. В курфюршестве нет специалистов необходимого уровня. Обер-бургомистр обратился с просьбой в ректорат Универмага, ректор дал согласие и велел произвести жеребьевку среди доцентуры... Короче, я еду.

– На тебя пал жребий?

– Я вызвался сам. Хочу развеяться.

Фортунат вздохнул с облегчением. Во-первых, никакой ошибки. Во-вторых, четыре дня дороги в Брокенгарц выглядели гораздо веселее, если ехать не одному, а в хорошей компании.

– Устроим мальчишник? – смеясь, предложил охотник на демонов. – Дадим жару?

Видный теоретик, ныне – воплощение мировой скорби, кивнул:

– Устроим. И дадим. Если на троих, отчего не дать?

– Почему на троих?

– Потому что нас будет трое. Ты, я и главный казначей Ретгии.

Допив кружку, хандрящий приват-демонолог грохнул ею о столешницу и подвел итог:

– Трое в карете, не считая эскорта.

* * *

– Да, – сказал казначей Август Пумперникель. – Разумеется. Доложите Его Величеству: завтра с утра я выезжаю в Брокенгарц.

Отпустив лейб-сорохода, принесшего высочайшую депешу, он присел в кресло. Рядом, на ломберном столике, стояла чаша с колотым льдом и набор лобных повязок. Но казначей не спешил охлаждать пылающий разум.

Крайнее средство обождет.

Положение дел смущало его неопределенностью. Выпускник Академии Малого Инспектрума, любимец скопцов-арифметов, он терялся, когда ситуация не позволяла точно вычислить соотношение «за» и «против». В последний раз Пумперникель сталкивался с аналогичной проблемой в Академии. Завершив восемнадцатилетний курс обучения, он колебался, взвешивая: почетная кастрация и место на кафедре высшего умножения – или светская карьера, позволяющая стать вровень с сильными мира сего.

Когда тебе нет и двадцати, кастрация – сильный аргумент. Светская карьера победила, чистое искусство отошло в тень. При расставании арифметы предупредили талантливого питомца: колебания станут повторяться, пока однажды не начнут угрожать целостности рассудка. Именно кастрация и позволяет укротить порывы страстей, сведя жизнь к наслаждению чистой гармонией чисел.

– Ты еще вернешься, – говорили наставники.

Они правы, знал Август Пумперникель. Сталкиваясь с неопределенностью, он лишь убеждался в их правоте. Но вернуться в Малый Инспектрум не спешил.

И вот опять: королевская депеша.

«Август, душа моя! – писал Эдвард II, известный дружеским обращением с верноподданными. – Уверен, радения на благо королевства изрядно утомили тебя. Сим уведомляю, что тебе предоставлен трехнедельный отпуск для восстановления сил. И надеюсь, что свой заслуженный отдых ты проведешь в славном городе Брокенгарце, по доброй воле оказывая содействие доценту Матиасу Кручеку в исчислении тамошнего мага-эталона. Вне сомнений, такое занятие подкрепит тебя лучше пребывания на водах в Литтерне, где скука смертная, уж поверь мне. Карета и эскорт из полудюжины гвардейцев будут ждать тебя завтра на рассвете у твоего дома».

И подпись:

«С монаршим благоволением, искренне твой Эдвард».

Еще имелся постскриптум:

«P.S. Мой венценосный брат Леопольд, курфюрст Брокенгарцкий, при случае велел тебе кланяться».

Двусмысленность постскриптума настораживала. Ясное дело, казначей при встрече и без напоминаний отвесил бы поклон курфюрсту Леопольду. Но суть колебаний лежала в иной плоскости. Август Пумперникель понимал, что он едет в Брокенгарц. Без вариантов.

Он не мог понять другого: хочется ему туда ехать или нет?

С одной стороны, дальняя дорога. Трясая карета, пыль, соленые шуточки эскорта. Трактиры, постоялые двory. Стряпня, вредная для деликатного желудка. Возможно, ночлег под открытым небом. Грабители, нищие попрошайки, бродяги. Собаки горластыми стаями несутся за экипажем. Девки предлагают жирное молоко, немывые ягоды и свои сомнительные услуги.

Четыре дня туда, четыре – обратно.

Больше недели кошмара.

С другой стороны, Брокенгарц. Местная Палата мер и весов – у арифметов она вызывала уважительный трепет. Эталонизация жизни – о ней, разумной и упорядоченной, Пумперникель имел удовольствие слышать, но ни разу не сталкивался непосредственно. Расчет эталона – нового взамен старого, износившегося и почившего на кладбище. То, что эталоном в данном случае был маг, лишь добавляло прелести. Исчислять приятней, если количество неизвестных стремится к бесконечности.

Это знает любой арифмет.

– Еду, – вслух произнес казначей.

И добавил, в порыве вдохновения произведя молниеносный расчет:

– Еду с радостью, омраченной на одну треть.

САПУТ II, где скрипят колеса и цокают копыта, бряцает оружие и ржут кони, заходит речь о гармонии чисел, а там – и о самых страшных страхах, какие случаются на свете

Он оказался пророком, этот Август Пумперникель.

Карету и впрямь трясло. Не прошло и часа пути, а казначей уже испытал первый приступ морской болезни. Затем последовал второй, третий, шестнадцатый... Да, Пумперникель обо-жал считать. Но он не подозревал, что его жизнь будет отягощена фактами, подсчет которых усугубит проблему.

Уж лучше овечек при бессоннице нумеровать...

– Возьмите мятную пастилку, – сжалился над беднягой Фортунат Цвях. Венатор ехал верхом на гнедом жеребце, пел любовные канцоны и чувствовал себя великолепно. – Говорят, помогает.

Пастилку казначей взял.

Скоро узнав: не все то правда, что говорят.

Завтракал он дома: горячими булочками с маслом и земляничным джемом, запив еду доброй чашечкой кофия. Обедал – в трактире близ Ясных Заусенцев, поселка строгалей. Кор-мили здесь дешево и сердито. Кровяная, значит, похлебка из баранины, бобы с острыми реб-рышками не пойми кого, редька со шкварками, яйца со смальцем.

Черное пиво – рекой.

Ужинал – на постоялом дворе дядюшки Тима, хромого дедугана с извращенными пред-ставлениями о вкусной и здоровой пище. Раки вареные с хреном, крепчайшая, аж дым из ушей, «хреновуха», свиные ножки в тертом хрене; пирог со спаржей, пармезаном и хреном, каша из улиток с добавлением молока и горького сока, выжатого из...

Утром следующего дня к морской болезни добавилась медвежья.

– Могу заклясть, – предложил Матиас Кручек, горбясь в седле.

Для теоретика, человека громоздкого, выбрали кобылу-першеронку, способную нести рыцаря в полном доспехе. Лошадь и всадник очень походили друг на друга, что служило неис-сякаемым источником для шуточек эскорта.

В принципе, оба чародея могли ехать в карете. Но не хотели, лишь изредка забираясь в ее нутро – душное, пыльное, доверху полное страданиями Пумперникеля. Казначей втайне был благодарен магам за деликатность. Он ни минуты не сомневался, что Цвях с Кручком мучаются в седлах из чистого сострадания к ближнему.

– Меня бабушка учила, светлая память старушке. Она знахарка была. Кое-что помню. А и ошибусь – не смертельно. Вас и так несет, как по кочкам...

– Спасибо, не надо, – отказался казначей.

И не удержался, спросил:

– Сударь Кручек, простите мое любопытство... Вот вы – известный человек, маг высшей квалификации. И вдруг: бабушка, древние рецепты! В сравнении с вашими прогрессивными методами...

– Наивный вы человек! – вместо друга детства, ускакавшего вперед, ответил охотник на демонов. – Квалификация! «Конвергентный динамикум чудес» редактировать – там да, ква-лификация. Злобного люцифуга на нижних ярусах геены преследовать – квалификация. А понос унять – это лучше по старинке, к бабушке!

Гвардейцы эскорта дружно заржали, напугав лошадей.

С самого начала вояки досаждали Пумперникелю своей непосредственностью и развитым чувством юмора. Они подпевали венатору, разнообразя канцоны скверно зарифмованными эпизодами из личной жизни. Они утешали меланхолического теоретика, зная всего один способ борьбы с хандрой, и сами обильно утешались за компанию. Они вслух комментировали частые остановки и бегство казначея в кусты на обочине.

Они, мерзавцы, даже делали ставки: «море» или «медведь»?

Кочуя из рук в руки, выигрыш издевательски звенел.

Капрал, имевший честь командовать распоясавшимся эскортом, без пререканий соглашался одернуть подчиненных. Он выслушивал просьбы казначея и со скрупулезностью опытного служаки уточнял: что именно запретить? Петь хором с сударем венатором? Или петь можно, но не про баб? Или про баб, но романтичней? Есть отставить про песни. Что еще? Запретить обидные комментарии? И жестикуляцию в ваш досточтимый адрес? Хорошо. Запретить пари? Сделаем. Или пари оставить, но не на деньги? Ограничить размер ставок? Не звенеть монетами вблизи кареты?

Что? Не пить в таком количестве?

Не дышать в окно перегаром?

Вы зверь, сударь...

Пумперникель изгонял капрала и утешался квадратными уравнениями. Слабое утешение, особенно когда ты, выпускник Академии Малого Инспектрума, позорно ошибся в расчетах. Радость дороги, омраченная на треть? Всего на треть? Радость?! Эх ты, счетовод...

Кромешный ужас пути, смягченный заботливостью магов на одну двенадцатую!

Ага, вот и ночлег под открытым небом.

Приехали.

* * *

За холмами лежала южная граница Брокенгарцского курфюршества.

Примерно там же, если верить зрению, садилось солнце.

Казалось, блуждающий великан Прессикаэль прилег отдохнуть, опрокинув бокал с вином. Густой багрянец, насквозь пронизанный сизыми и зеленоватыми жилками, не спеша разливался по небокраю, чтобы вскоре стечь во владения Нижней Мамы. Серпик молодой луны, белесый и робкий, карабкался на вершины дубов-ветеранов, спасаясь от кровавого половодья. Ветер, неся прохладу, летел на кружевных крыльях от излучины Вестфалицы – реки мелкой, перекатистой, но щедрой на красную рыбу-горбушку.

Пели птицы.

Трещали цикады.

Молчали гвардейцы.

– Ты глянь на мальчика! – шепнул Фортунат Цвях приват-демонологу, тайком мотнув головой в сторону казначея. – Готов биться об заклад, он счастлив!

Венатор не ошибся. И впрямь, скажи кто – да хоть сам Эдвард II! – Августу Пумперникелю, что настанет день, и он забудет о тяготах дороги, казначей рассмеялся бы горе-пророку в лицо. А сейчас терзался бы этим опрометчивым смехом и угрызениями совести.

Забыв о скорбях утомленного чрева и отбитой задницы, дыша полной грудью, он сидел у костра и глядел в небо над головой. Там, витязями во чистом поле, нимало не стесняясь заката, уже толпились звезды: колкие, граненые, сверкающие.

Звезд было много. Так много, что дух захватывало.

– Открылась бездна, звезд полна, – Фортунат приблизился к Пумперникелю, на ходу цитируя куплет из раннего Меморандума, – звездам, молодой человек, числа нет, бездне – дна...

– Как это: числа нет? – не отрывая взгляда от небес, изумился казначей.

Впервые стало ясно, что он, в сущности, очень молод.

– В данный момент, не сойти нам с этого места, хорошо видно две тысячи четыреста тридцать восемь звезд. Плюс-минус три звезды. Полагаю, если дать поправку на искажения астрала, проницаемого глазом, на природные явления, мешающие свободному обзору, а также учесть, что более половины наших брильянтиков находится ниже горизонта, и мы не можем видеть всю компанию одновременно...

Он на миг задумался, морща лоб.

– Восемь тысяч четыреста семьдесят девять звезд! – воскликнул он. – Я готов поручиться за эту благословенную цифру! И вот что я вам скажу, сударь Цвях...

Радостный и возвышенный, Август Пумперникель встал, сияя.

– Настанет день, когда Высокая Наука позволит нам приблизить Овал Небес! Всякий сможет взглянуть звездам в лицо! И я уверен, что тогда число их, доступных взгляду, усиленному магией, достигнет...

Еще миг раздумий.

– Семидесяти секстиллионов! О, дожить бы!

Охотник на демонов не нашелся что ответить. Любое слово прозвучало бы кощунством, разрушая восторг – таинственный, высокий, недоступный простому магу высшей квалификации. Семьдесят секстиллионов? Не боявшийся встреч с буйными детьми Нижней Мамы, дагонами, ваалберитами и маммонцами, он вздрогнул от двух слов, означавших несусветное количество.

– Звездам числа нет, бездне – дно, – с издевкой пропел казначей, демонстрируя вполне приличный, обертонистый тенор. – Кто автор столь примитивного исчисления?

– Адальберт Меморандум, – теперь уже Кручек пришел на помощь другу.

– Кто такой? Арифмет? Чисельник? Прикидчик?

– Поэт. Штабс-секретарь Ложи Силлаботоников, автор «Куртуазного Декларата». Знаменитый, между прочим, пиита...

Пумперникель с брезгливостью наморщил бровки.

– Поэ-э-эт! Я всегда говорил: эта ваша поэзия – жалкое подобие арифметики! Простейшая числовая основа: ямб, дактиль, трибрахий... тьфу ты, как бишь его?... о, арандиль! У нас в академии говорили: в поэты идут те, кому не хватило воображения для математики!

Он подбоченился: ну-ка, оспорьте!

И вдруг скис. Сел на прежнее место, сгорбился, накинул на плечи шерстяной плед. Словно небо над молодым человеком покрылось тучами, мешая считать звезды.

– Господа, у вас случается страх?

К счастью, храбрецы-гвардейцы были заняты своими делами. Иначе они непременно оценили бы удивительность реплики Пумперникеля. Случается ли у вас страх? Разве страх случается? Страх накатывает, приходит, охватывает...

Оба мага кивнули без комментариев.

Да, мол, случается.

– Беспричинный? Ирреальный?

– Разный, – ответили маги.

– Но такой, что страшнее не бывает?

– И такой – тоже.

Казначей вздохнул с облегчением.

– А я думал, это только у меня... Хотите, расскажу?

* * *

Грустная повесть Августа Пумперникеля, рассказанная тихим, сбивчивым голосом при полном сочувствии слушателей

Во всем были виноваты звезды.

Первый раз ужасный сон приснился Августу Пумперникелю за год до окончания Академии. Готовясь к экзамену по теории опасных приближений, он настолько погрузился в медитацию, что не заметил, как уснул. И первым, что увидел юноша в том сне, были звезды.

Он находился в помещении без крыши. Звездная пыль безвозбранно осыпалась в зал, где арифметы – скопцы, руководители кафедр, и студиязусы-выпускники – наслаждались гармонией чисел. О, здесь царил истинный пир разума!

Откинувшись на ложа, застланные коврами, упав на мохнатые шкуры зверей, временами освежая себя яблоками и подкрепляя вином, собравшиеся предавались самым изысканным удовольствиям мира.

Одни в неистовстве играли скалярными и векторными величинами. Другие, впав в экстаз, отдавались стохастической аппроксимации. Третьи, хохоча, минимизировали функционал среднего риска. Те усердно пользовались интерполяционными полиномами, иные – выращивали деревья решений, во всей их пространственной и временной сложности.

Короче, снился рай.

Немые прислужники сновали меж ложами, разнося восхитительно белую бумагу, желтоватый пергамент и кремовый папирус из сахарного тростника. Чернильницы-непроливайки сладостно дышали розарием, скрипели перья, записывались формулы и уравнения, равных которым нет и не было – корень извлекался из всего сущего, восхитительный квадратный корень, чей вкус сладок, а плоды ароматны!

И вдруг звездная пыль над головами соткалась в руку великана.

Волосатая, могучая рука опускалась все ниже. Было хорошо видно, как играют атлетические мышцы, бугрясь под кожей. Предплечье, густо обросшее волосами, грозило раздавить собравшихся. В узловатых пальцах исполин сжимал мелок, заточенный на манер долота.

– О-о! – вскричал юноша, исполнен ужаса.

– О-о! – воскликнули пирующие, согласные с Пумперникелем.

Но это был еще не главный страх.

По мере приближения карающей десницы стены зала начали меняться. Еще миг назад они были сплошь исписаны сопрягающимися цифрами, знаками умножения и деления, числителями и знаменателями – картина, лучше которой не сыскать в обитаемых пределах! О горе! – написанное растеклось, залив стены смоляным половодьем.

Погасли светильники.

Зашипели фитили лампад.

Окружены непроглядной тьмой – лишь звезды мерцали над головами да светился мелок в чудовищной руке! – арифметы дрожали, теснясь в центре зала. Пытаясь впасть в успокоительную медитацию, они замечали, что самые простые формулы им больше не даются. Плюс сбоил, минус заикался, а за скобки не удавалось вынести даже сор из избы.

Деление на ноль! – и то не вызывало былого омерзения.

Рука остановилась. Едкий запах пота накрыл пирующих. Мелок зашаркал по черным-черным стенам. На каждой возникло по три слова: горящих, пламенных. Август Пумпер-

никель не знал языка, в лоне которого родились эти слова, но смысл их был ему всеконечно ясен.

Больше нечего считать.

Больше незачем вычислять.

Больше ни к чему складывать и вычитать, умножать и делить, ибо путь от задачи к решению пройден отныне и навеки, и новым путям не бывать.

Итог подведен.

– О-о!

Вот и все, что осталось от гармонии.

Стон дрожащих тварей.

Юноша трясся, моля о смерти. Ему казалось, что он попал в конец учебника, туда, где ждут хладнокровные убийцы – ответы на вопросы, и страшнее финала он не мог придумать.

Слова на стенах, догорев, погасли.

Лишь ворочалась над головой рука исполина.

* * *

– Я проснулся в холодном поту, судари мои.

Казначей принял из рук гвардейца миску с дымящимся жарким. Кивком поблагодарил, поставил рядом с собой на землю – и взял чашу с вином. Обычно умеренный, сейчас он залпом выпил полчаши, прежде чем поднять глаза на собеседников.

Нет, маги не смеялись.

Пумперникель был благодарен им за это.

– Немногим я рассказывал мой сон, – молодой человек втянул голову в плечи, как если бы в темном небе уже наметился контур гигантской длани. – Единицы поняли, остальные затаили улыбку или пожали плечами. Что ж, каждому – свое. Добавлю лишь, что это был первый случай, когда мне являлся кошмар руки, подводящей итог. Первый, но не последний. Вскоро-сти я заметил: если рассказать о видении кому-нибудь, сон бежит меня. Спасибо, сегодня я проведу ночь спокойно.

Знакомый гвардеец принес еще две миски и стопку лепешек. Потом вояка вернулся к костру эскорта, и его хриплый баритон присоединился к хоровому исполнению «Милашки Сью».

– Сколько вам тогда было лет? – спросил охотник на демонов.

– Восемнадцать.

– На пять лет старше меня...

– В каком смысле?

Венатор улыбнулся.

– В смысле дня встречи с большим страхом. Мне было тринадцать... Уверен, мой страх так же смешон, как и ваш. И так же страшен. Они часто ходят рука об руку: смех и страх. Мы просто делаем вид, что различаем их, братьев-близнецов.

– Ты ничего мне об этом не рассказывал! – заинтересовался Матиас Кручек, набивая рот жарким. – А я, между прочим, твой друг детства!

– Что тут рассказывать... Ладно, слушай.

Воспоминания Фортуната Цвяха, изложенные со скупой иронией – лучшим щитом от кошмаров детства

Три года обучения у лучшего венатора в мире – это ого-го!

Считай, диплом с отличием на руках.

Пора – в дело.

Жаль, Гарпагон Угрюмец, наставник юного Фортуната, в полной мере оправдывал свое прозвище. Говорят, есть люди, из кого доброго слова не выдавишь. Из Гарпагона, грозы инферналов, ни доброго, ни злого, ни нейтрального – никакого слова не выдавливалось без особой причины. Хотя с друзьями и коллегами венатор бывал вполне разговорчив.

Зато с учеником...

День рождения тринадцатилетний ученик встретил как обычно – в тишине и одиночестве, стирая пыль с толстых гримуаров, отмывая закопченные реторты, полируя властные жезлы и зубря чинную классификацию демонов по Триеру-Лапфурделю:

– Девятый чин – искусители и злопыхатели; восьмой чин – обвинители и соглядатаи; седьмой чин – сеятели раздоров; шестой чин – сосуды беззаконий... Нет, сосуды – это третий! А шестой... Лжечудесники? Каратели? А, вспомнил: шестой чин – воздушные власти, наводящие заразу!

Впереди маячили еще три классификации – планетарная, по роду занятий и по областям влияния. Честное слово, хотелось взять за шкуру мудрых классификаторов, которые живого демона небось и в глаза не видывали, – и по сусалам да под зад коленом!

Мы – охотники или жалкие зубрилы?

Следует заметить, что Фортунат «живого демона» тоже покамест не видел. Только самоходные чучела в зале для учебных схваток. Ну, картинки не в счет. На картинках любой дурак...

«И в детстве, – подсказала память. – Помнишь, ты сидел на заборе, Матти прятался за кустом жасмина, а куча фиолетового навоза на ваших глазах сожрала фокстерьера Шумку? Ты тогда ни капельки не испугался».

А сейчас – и подавно, ответил памяти Фортунат. Горсть «жарких игл» из рукава, 16-е зачатие Винера в контроктаве... Голос, правда, только начал ломаться. С контроктавой – скверно. Но боевая мобилизация ресурсов – и петух басом запоет!левой рукой – мановение Трех Лекал, с капельным сбросом...

Увлечшись, он изобразил Три Лекала и едва не расколотил любимую реторту учителя. От испуга, забыв, что Гарпагона нет дома, юноша забубнил вслух классификацию по областям влияния:

– Смерть – ваалбериты и бабаэли; ненависть – андрасы и агиалиарепты; тайны – пифоны и делепиторы...

«Доказать! – память уступила место гордыне. Внутренний голос наполнился звоном металла и громом оваций. – Вызвать демона, обуздать и продемонстрировать Гарпагону. Небось он только и ждет, когда же я наконец проявлю инициативу... А что? Я бы на его месте вел себя точно так же. На словах запрещал бы даже к чучелу лишний раз подходить, а на деле – испытывал ученика бездействием. Проверял бы: мямля или настоящий мужчина? Буду послушен – всю жизнь проведу за полировкой жезлов...»

О, сладостное видение! Тихий, покорный, как овечка, делепитор в узах кланяется вернувшемуся учителю – и рассказывает, сколь ловко его обуздал сей молодой, но искусный маг, заслуживший поощрение. О, искушение сердца!

Охвачен волнением, Фортунат раскрыл гримуар, который держал в руках.

– Ингредиенты верного вызова по Мерлю: череп мертвеца, очищенный муравьями, кровь черного кота, земля трех перекрестков, осколки кружки, взятой у заснувшего пьяницы...

Пять минут – и все было собрано в наилучшем виде.

– Защита по Нексусу: пентаграмма с усеченными вторым и пятым лучами, три нимбус-факела, круг из морской соли, толченый нефрит, бубенцы Ко Юрга...

Еще пять минут – на установку защиты.

«А вдруг я вызову демона, с каким не смогу справиться? – толкнулась подленькая мыслишка. – Я? Не справлюсь? Стыдись, охотник!»

– Тохт’ада тартып хурадыр, – заклинание исподволь начало творить брешь в покрове мира. – Ат соонда айлан хал’ган! Чибетей тус килген...

Трещина расколола воздух над пентаграммой. Колыхнулось, дрогнув червоточиной, пламя факелов. Зеленоватый дымок стал похож на жидкое стекло. Толченый нефрит струйкой поднялся вверх, к потолку. Невнятно заговорил череп, щелкая челюстями. Звон бубенцов усилился, иглой ввинчиваясь в мозг.

Расширившись, трещина превратилась в узкий портал.

В глубине, сердцем в ране, пульсировала геенна.

А посреди ловушки стоял...

О да, юный Фортунат Цвях вызвал демона, с которым ни за что не сумел бы справиться.

– Я так и думал, – угрюмо сообщил вызванный, пиная ближайший нимбус-факел. – Соль, бубенцы, самоволка... Защита по Нексусу – отлично. Вызов по Мерлю – удовлетворительно. Поведение – отвратительно, но предсказуемо. Где тут у нас розги? В честь дня рождения одного наглого малолетки, по филейным частям...

Риторический вопрос.

Разумеется, Гарпагону Угрюмцу было прекрасно известно, где в его доме стоит кадка с рассолом – и розги, вымоченные как раз для подобных случаев.

* * *

– Откуда ж я знал, – развел руками венатор, когда слушатели отсмеялись, – что Гарпагон все вызовы из дома замкнул на себя? Барьер «Семь бед», с «трещоткой». Кого ни зови, хоть Вечного Странника – один черт... Нет, сейчас-то я его понимаю. А тогда... Он мне задницу так разукрасил – куда там живописцу Пёльцлеру! Неделю спал на животе!

Казначей подался вперед:

– А страх? Страх в чем? Вы имели в виду: испугались явления учителя?

Кривая ухмылка послужила ему ответом.

– Нет, сударь. Под страхом я имел в виду совсем другое. Портал-то был настоящий. И геенна – настоящая. Гарпагон демона гнал, спустился на 2-й ярус Ледяного Пекла, тут ему и звоночек... Вот, значит, я и увидел воочию: каков он, ад. В щелочку подсмотрел. Кричал потом ночами. Слезами умывался. Заикаться начал. Гарпагон отшептал, спасибо ему, умнице...

Отставив миску, охотник на демонов смотрел на казначея с доцентом, а казалось, видел ад. Не тот ад, в котором успел не единожды побывать, и не жертвой, а ловцом. Нет, в глазах Фортуната плясал вихрь пекла, которое он увидел в щелочку, будучи тринадцатилетним сопляком.

Не то, к чему привык, а то, чего не ожидал.

– Мне этот сон до сих пор снится. Я из-за него учиться начал – от зубов отскакивало! Облик выпестовал, чтоб во плоти туда спускаться. Вцепился в страх: задушу! И вот поверите: по сей день...

Небо сделалось черным-черным. Звезды спустились ниже: подслушивали. Шумели гвардейцы, обсуждая любовные и военные подвиги друг друга. Фыркали кони. Река бурлила на перекатах: аж сюда слышно.

– Все вроде бы хорошо. Не боюсь. А как увижу заново проклятый сон... И ну по новой себе доказывать: не боюсь! Ни капельки не боюсь! Куда только не лез: на Поле Игл, в Клоаку, в Плачущие Норы... Докажу, успокоюсь, дремлю тихонько на лаврах. Ан тут опять снится... Смешно, да?

– У меня тоже сон, – вместо ответа сообщил Матиас Кручек. Массивное, невыразительное лицо теоретика напоминало маску. – Снится, будто Агнесса умерла.

Венатор вздохнул.

– Не надо, Матти. Агнесса умерла давным-давно. И это не сон.

Приват-демонолог, золотая голова, ухмыльнулся так же криво, как незадолго до него – охотник на демонов.

– Не надо, Фарт. Я не сумасшедший. Просто снится... Я потом вскакиваю, весь в поту, и радуюсь. Это же сон, всего лишь сон, ерунда, пустяк!.. Вот я проснулся, и все будет хорошо... А потом вспоминаю. Да, сон. И все же... У каждого свой страх, судари мои.

От второго костра к ним спешил капрал, неся теплые плащи.

**САПУТ III,
в котором герои прибывают в славный город Брокенгарц,
знакомясь с «эталонной» жизнью курфюршества; Август
Пумперникель восторгается, Матиас Кручек опровергает
постулат, и все приступают к своим обязанностям**

– Идиллия, – резюмировал Кручек.

Он глядел с вершины холма на раскинувшийся внизу город. Цель поездки радовала взор. Город был не так уж мал, но казался игрушечным, едва ли не леденцовым. Стены желтого камня вытянулись «в струнку», зубчатые башенки с бойницами и красными колпаками напоминали шляпки подрябиновиков. Спицы узких улочек радиально расходились от центральной площади-ступицы со зданием ратуши на ней. Пестрая мозаика крыш, трубы, флюгера в виде рыбок и носатых чудаков, стаи голубей...

Казначей наставительно поднял палец:

– Гармония – в целесообразности и порядке.

– Угу, – кивнул приват-демонолог. – Особенно ежели издалека. А вблизи небось окажется как везде. Сточные канавы благоухают, прислуга ленива, в отеле кишат клопы. По вечерам – пьяные драки и благородные дуэли, которые мало чем отличаются...

С утра великий теоретик был не в настроении.

Хандра одолевала.

– Ты несправедлив к Брокенгарцу, друг мой, – вступился за идиллию Фортунат Цвах. – Я здесь бывал, а ты – нет. Скоро сам сможешь убедиться...

– Здесь нет сточных канав? Нет клопов в гостиницах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.